

**Александр Николаевич
Островский**

Поздняя любовь

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-2
ББК 84-6

Александр Николаевич Островский

Поздняя любовь / Александр Николаевич Островский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2320-7

Александр Николаевич Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли. Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько яркие и одновременно обобщенны характеры его героев.

ISBN 978-5-4241-2320-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Александр Николаевич
Островский.
Поздняя любовь

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревянного дома.

Герасим Порфирьич Маргаритов, адвокат из отставных чиновников, старик благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая девушка. Все движения ее скромные и медленные, одета очень чисто, но без претензий.

Дормедонт, младший сын Шабловой, в писарях у Маргаритова.

Онуфрий Потапыч Дороднов, купец средних лет.

Бедная, потемневшая от времени комната в доме Шабловой. На правой стороне (от зрителей) две узкие однопольные двери: ближайшая в комнату Людмилы, а следующая в комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи с топкой. В задней стене, к правому углу, дверь в комнату Маргаритова; в левом растворенная дверь в темную переднюю, в которой видно начало лестницы, ведущей в мезонин, где помещаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комод с стеклянным шкафчиком для посуды. На левой стороне два небольших окна, в простенке между ними старинное зеркало, по сторонам которого две тусклые картинки в бумажных рамках; под зеркалом большой стол простого дерева. Мебель сборная: стулья разного вида и величины; с правой стороны, ближе к авансцене, старое полуободранное вольтеровское кресло. Осенние сумерки, в комнате темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну.

Потом Шаблова выходит из своей комнаты.

Шаблова (не видя Людмилы). Словно кто калиткой стукнул. Нет, почудилось. Уж я очень уши-то насторожила. Экая погодка! В легоньком пальте теперь... ой-ой! Где-то мой сынок любезный погуливает? Ох, детки, детки – горе матушкино! Вот Васька, уж на что гуляющий кот, а и тот домой пришел.

Людмила. Пришел?... Разве пришел?

Шаблова. Ах, Людмила Герасимовна! Я вас и не вижу, стою тут да фантазирую сама промеж себя...

Людмила. Вы говорите, пришел?

Шаблова. Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила. Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: «пришел».

Шаблова. Это я тут свои мысли выражаю; в голове-то накипит, знаете... Погода, мол, такая, что даже мой Васька домой пришел. Сел на лежанку и так-то мурлычет, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, мол, я дома, не беспокойтесь. Ну, разумеется, погрелся, поел, да опять ушел. Мужское дело, дома не удержишь. Да вот зверь, а и тот понимает, что надо домой побывать – понаведаться, как, мол, там; а сынок мой Николенька другие сутки пропадает.

Людмила. Как знать, какие дела у него?

Шаблова. Кому ж и знать, как не мне! Никаких у него делов нет, баклуши бьет.

Людмила. Он адвокатством занимается.

Шаблова. Да какое абвокатство! Было время, да прошло.

Людмила. Он хлопчет по делам какой-то дамы.

Шаблова. Да что ж, матушка, дама! Дама даме рознь. Ты погоди, я тебе все скажу. Учился он у меня хорошо, в новерситете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он абвокатом, – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. От того от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, с волками жить, по-волчьи выть, и начал он эту самую купеческую жизнь, что день в трактире, а ночь в клубе либо где. Само собою: удовольствие; человек же он горячий. Ну, им что? У них карманы толстые. А он барствовал да барствовал, а дела-то между рук шли, да и лень-то; а тут абвокатов развелось несть числа. Уж сколько он там ни путался, а деньжонки все прожил; знакомство растерял и опять в прежнее бедное положение пришел: к матери, значит, от стерляжей ухи-то на пустые щи. Привычку же он к трактирам возымел – в хорошие-то не с чем, так по плохим стал шляться. Видя я его в таком упадке, начала ему занятие находить. Хочу его свести к своей знакомой даме, а он дичится.

Людмила. Робок, должно быть, характером.

Шаблова. Полно, матушка, что за характер!

Людмила. Да ведь бывают люди робкого характера.

Шаблова. Да полно, какой характер! Разве у бедного человека бывает характер? Какой ты еще характер нашла?

Людмила. А что же?

Шаблова. У бедного человека да еще характер! Чудно, право! Платья нет хорошего, вот и все. Коли у человека одёжи нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнато, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнат. Вот у ней душа и растёт. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде паухи. Как на лешего, на тебя смотрят. Потому не мадамы нам шьют, а мы сами самоучкой; не по журналам, а как пришлось, на чертов клин. Сыну тоже не француз шил, а Вершкохватов из-за Драгомиловской заставы. Так он над фракком-то год думает, ходит, ходит кругом сукна-то, режет, режет его; то с той, то с другой стороны покроит – ну, и выкроит куль, а не фрак. А ведь прежде тоже, как деньги-то были, Николай франтил; ну, и дико ему в таком-то безобразии. Уломала я его наконец, да и сама не рада; человек он гордый, не захотел быть хуже других, потому у нее с утра до ночи франты, и заказал хорошее платье дорогому немцу в долг.

Людмила. Молода она?

Шаблова. В поре женщина. То-то и беда. Кабы старуха, так бы деньги платила.

Людмила. А она что же?

Шаблова. Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надеется. Всегда кругом нее молодежь – привыкла, чтоб все ей угождали. Другой даже за счастье сочтет услужить.

Людмила. Так он даром для нее хлопчет?

Шаблова. Нельзя сказать, чтоб вовсе даром. Да он-то бы пожалуй, а я уж с нее ста полтора выханжила. Так все деньги-то, что я взяла с нее за него, все портному и отдала, вот тебе и барыш! Кроме того, посудите сами, всякий раз, как к ней ехать, извозчика берет с биржи, держит там полдня. Чего-нибудь да стоит! А из чего бьется-то? Диви бы... Все ветер в голове-то.

Людмила. Может быть, она ему нравится?

Шаблова. Да ведь это срам бедному-то человеку за богатой бабой ухаживать да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: там такие полковники да гвардейцы бывают, что уж именно и слов не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ах, боже мой! Чай, смеются над нашим, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатит к крыльцу на паре с пристяжкой этакий полковник, брякнет в передней шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнет головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое, сосуд скудельный, вскинет на него глазами-то, ну точно вареная и делается. Где же тут?

Людмила. Так она вот какая!

Шаблова. Она только с виду великая дама-то, а как поглядеть поближе, так довольно малодушна. Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачет, и смеется, как дитя малое.

Людмила. Как странно! Неужели такая женщина может нравиться?

Шаблова. Да ведь Николай горд; засело в голову, что завоюю, мол, — ну и мучится. А может, ведь он и из жалости; потому нельзя и не пожалеть ее, бедную. Муж у нее такой же путаник был; мотали да долги делали, друг другу не сказывали. А вот муж-то умер, и пришлось расплачиваться. Да кабы с умом, так еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорят, стала вексель зря давать, подписывает сама не знает что. А какое состояние-то было, кабы в руки. Да что вы в потемках-то?

Людмила. Ничего, так лучше.

Шаблова. Ну, что ж, посумерничаем, подождем Николая. А вот кто-то и пришел; пойди свечку принести. *(Уходит.)*

Людмила *(у двери в переднюю).* Это вы?

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Я-с.

Людмила. А я думала... Да, впрочем, я очень рада, а то скучно одной.

Входит Шаблова со свечой.

Шаблова. Где же ты был? Ведь я так полагала, что ты дома. Ишь как озяб, захвораешь, смотри.

Дормедонт *(греясь у печки).* Я брата искал.

Шаблова. Нашел?

Дормедонт. Нашел.

Шаблова. Где ж он?

Дормедонт. Все там же.

Шаблова. Другой-то день в трактире! Скажите, пожалуйста, на что это похоже!

Дормедонт. На бильярде играет.

Шаблова. Что ж ты его домой не вел?

Дормедонт. Звал, да нейдет. Поди, говорит, скажи маменьке, что я совершеннолетний, чтоб не беспокоилась. Домой, говорит, когда мне вздумается, я дорогу и без тебя найду; провожатых мне не нужно, я не пьяный. Уж я и плакал перед ним. «Брат, говорю, вспомни дом! Какой же ты добычник! Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошение к мировому писать, а тебя дома нет. Этак ты всех отвадишь». – «Я, говорит, по грошам не люблю собирать». А вот у меня последний рубль выпросил. Что ж, я отдал – брат ведь.

Шаблова. Озяб ты?

Дормедонт. Не очень. Я все для дому, а он нет. Я если когда и дров наколоть, так что за важность! Сейчас надел халат, пошел нарубил, да еще моцион. Ведь верно, Людмила Герасимовна?

Людмила. Вы любите брата?

Дормедонт. Как же-с...

Людмила. Ну, так любите больше! *(Подает Дормедонту руку.)* Вы добрый, хороший человек. Я пойду работу возьму. *(Уходит.)*

Шаблова*(вслед Людмиле).* Приходите, поскучаем вместе. *(Дормедонту.)* Ишь ты, как перезяб, все не согреешься.

Дормедонт. Нет, маменька, ничего; вот только в среднем пальце владения не было, а теперь отошло. Сейчас я за писанье. *(Садится к столу и разбирает бумаги.)*

Шаблова. А я карточки разложу покуда. *(Вынимает из кармана карты.)*

Дормедонт. Вы, маменька, ничего не замечаете во мне?

Шаблова. Нет. А что?

Дормедонт. Да ведь я, маменька, влюблен.

Шаблова. Ну, что ж, на здоровье.

Дормедонт. Да ведь я, маменька, серьезно.

Шаблова. Верю, что не в шутку.

Дормедонт. Какие шутки! Погадайте-ка!

Шаблова. Давай гадать! Давай, старый да малый, из пустого в порожнее пересыпать.

Дормедонт. Не смейтесь, маменька: она меня любит.

Шаблова. Эх, Дормедоша! не из таких ты мужчин, каких женщины любят. Одна только женщина тебя любить может.

Дормедонт. Какая же?

Шаблова. Мать. Для матери, чем плоше дитя, тем оно милее.

Дормедонт. Что ж, маменька, я чем плох? Я для дому...

Шаблова. Да ведь я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонт. Ведь уж как не знать, ведь уж одна. А вот я сейчас пришел, бросилась к двери, говорит: «Это вы?»

Шаблова. Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Дормедонт. Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова. Ну, смотри! А похоже дело-то!

Дормедонт. Меня, маменька, меня! Вот теперь только б смелости, да время узнать, чтоб в самый раз всю душу свою открыть. Действовать?

Шаблова. Действуй!

Дормедонт. А как, маменька, карты? Что они мне говорят?

Шаблова. Путаница какая-то, не разберу. Вон, кажется, купец домой собирается; пойти велеть ему посветить. (*Уходит.*)

Выходят Дороднов и Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дормедонт, Дороднов и Маргаритов.

Маргаритов. А ведь мы с тобой старые приятели.

Дороднов. Еще бы! Сколько лет. Герасим Порфирьич, знаешь что? Выпьем теперь. Сейчас я кучера к Бауеру...

Маргаритов. Нет, нет, и не проси!

Дороднов. Как ты это, братец, странно! Мне теперь вдруг фантазия; должен ты уважить?

Маргаритов. Тебе эта фантазия-то часто приходит. Ты об деле-то... Завтра нужно нам к маклеру...

Дороднов. Да что об деле! Я на тебя, как на каменную стену. Видишь, я тебя не забыл; вот где отыскал.

Маргаритов(*жмет ему руку*). Благодарю, благодарю! Да, вот куда занесла меня судьба. Ты добрый человек, ты меня нашел; а другие бросили, бросили на жертву нищете. Дел серьезных почти нет, перебиваюсь кой-чем; а я люблю большие апелляционные дела, чтоб было над чем подумать, поработать. А вот на старости лет и дел нет, обегать стали; скучно без работы-то.

Дороднов. Скучно-то бы ничего, а ведь, чай, поди и голодно.

Маргаритов. Да, да, и голодно.

Дороднов. Бодрись, Герасим Порфирьич! Авось с моей легкой руки... Уж ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритов. Что за просьбы! Я свое дело знаю.

Дороднов. Заходи завтра вечером. Не бойся, неволить не буду, легоньким попотчую.

Маргаритов. Хорошо, хорошо, зайду.

Дороднов. Ну, так, значит, до приятного.

Маргаритов. Ах, постой, постой! забыл. Подожди немного!

Дороднов. Чего еще?

Маргаритов. Забыл тебе расписку дать, какие документы от тебя принял.

Дороднов. Вот еще! Не надо.

Маргаритов. Нельзя, порядок.

Дороднов. Да не надо, чужак. Верю.

Маргаритов. Не выпущу без того.

Дороднов. И зачем только эти прокламации?

Маргаритов. В животе и смерти бог волен. Конечно, у меня не пропадут, я уж теперь осторожен стал...

Дороднов. А разве было что?

Маргаритов. Было. Вот какой был случай со мной. Когда еще имя мое гремело по Москве, дел, документов чужих у меня было, хоть пруд пруди. Все это в порядке, по шкапам, по коробкам, под номерами; только, по глупости по своей, доверие я прежде к людям имел; бывало, пошлешь писарька: достань, мол, в

такой-то коробке дело; ну, он и несет. И выкрал у меня писарек один документ, да и продал его должнику.

Дороднов. Велик документ-то?

Маргаритов. В двадцать тысяч.

Дороднов. Ого! Ну, что ж ты?

Маргаритов(со вздохом). Заплатил.

Дороднов. Все заплатил?

Маргаритов(утирая слезы). Все.

Дороднов. Как же ты извернулся?

Маргаритов. Все свои трудовые денежки отдал, дом продал – все продал, что можно продать было.

Дороднов. Так-то ты и в упадок пришел?

Маргаритов. Да.

Дороднов. Пострадал занапрасно?

Маргаритов. Да.

Дороднов. Небось нелегко было?

Маргаритов. Ну, уж я про то знаю, каково мне было. Веришь ли ты? Денег нет, трудовых, горбом нажитых, гнезда нет, жена и так все хворала, а тут умерла – не перенесла, доверия лишился, *(шепотом)* хотел руки на себя наложить.

Дороднов. Что ты! Наше место свято! Полоумный ты, что ли?

Маргаритов. Будешь полоумный. Вот так-то раз, вечером, тоска меня грызет, хожу по комнате, поглядываю, где петлю-то повесить...

Дороднов. Ишь ты, бог с тобой!

Маргаритов. Да заглянул в угол, кровать там стоит, дочка спала, двух лет была тогда. Думаю, кто ж у ней-то останется. А? Понял ты?

Дороднов. Как не понять, голова!

Маргаритов. Кто у ней останется, а? Да так это гляжу на нее, воззрелся на этого ангела, с места не могу сойти; а в душе-то у меня точно тепло какое полилось, все мысли-то супротивные точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своим местам.

Дороднов. И такое это, выходит, произволение.

Маргаритов. Слушай, слушай! И с тех пор я так и молюсь на нее, как на мою спасительницу. Ведь уж кабы не она, ау, брат!

Дороднов. Да, оно, точно, бывает; только сохрани бог всякого!

Маргаритов. Так вот... Об чем я начал-то? Да, так вот с тех пор я осторожен, запираю на ключ, а ключ у дочери. Все у ней, и деньги и все у ней. Она святая.

Дороднов. Ну, к чему это ты такие слова?

Маргаритов. Что, что! Ты не веришь? Святая, говорю тебе. Она кроткая, сидит работает, молчит; кругом нужда; ведь она самые лучшие свои года просидела молча, нагнувшись, и ни одной жалобы. Ведь ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себе. Выработает лишний рублик, глядишь, отцу подарочек, сюрприз. Ведь таких не бывает... Где ж они?

Дороднов. Замуж бы.

Маргаритов. Да с чем, чудной ты человек, с чем?

Дороднов. Ну вот, бог даст, ты мне дела-то на двести тысяч сделаешь, так уж тогда...

Маргаритов. Ну, ты подожди, я сейчас тебе расписочку...

Дороднов. Ладно, подожду.
Маргаритов уходит в свою комнату.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дороднов и Дормедонт.

Дороднов(*садится*). Дела-то на свете тоже всякие бывают, все разное, у всякого свое, и всякий должен о себе. И не пожалеть иного нельзя, а и жалеть-то всякого не приходится; потому вдруг с тобой самим может грех случиться, так жалость-то надо для себя побережь. (*Смотрит на Дормедонта.*) Строчи, строчи! Разве поговорить с тобой?

Дормедонт. Чего-с?

Дороднов. Ты... как тебя?... Пописухин, поди сюда поближе!

Дормедонт. Вы бы поучтивее, коли не знаете человека.

Дороднов. Ах, извините, ваше благородие! А ты живи без претензий, сытее будешь. Поди сюда, денег дам.

Дормедонт(*подходя*). За что-с?

Дороднов(*дает три рубля*). Так, здорово живешь.

Дормедонт. Покорно благодарю-с. (*Кланяется.*)

Дороднов(*ерошит волоса Дормедонту*). Ах ты, шаршавый, не нашей державы!

Дормедонт. Полноте! что вы?

Дороднов. А что, милый друг, этот самый стряпчий не сфальшивит, если ему документы поверить?

Дормедонт. Как можно, что вы!

Дороднов. Я бы и хорошему отдал, да те спесивы очень, надо его сударем звать, да и дорого. Так ежели ты какую фальшь заметишь, сейчас забеги ко мне, так и так, мол.

Дормедонт. Да что вы! Уж будьте покойны.

Дороднов. Ну, поди строчи!

Дормедонт. Да я кончил-с.

Дороднов. Только ты стряпчему ни гугу! Ты много ль жалованья получаешь?

Дормедонт. Десять рублей в месяц.

Дороднов. Что ж, это ничего, хорошо. Тоже ведь и тебе питаться надо чем-нибудь. Всякий от своих трудов должен; потому, взгляни: птица ли, что ли...

Входит Маргаритов, Дормедонт уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маргаритов и Дороднов.

Маргаритов(*отдавая расписку*). На, спрячь!

Дороднов(*прячет расписку*). Что это у тебя за писарек такой?

Маргаритов. Что ж, писарек? Ничего. Глуповат, а парень исправный.

Дороднов. Плут, я вижу, большой руки. За ним гляди в оба.

Маргаритов. Ну, не болтай пустого!

Дороднов. Доглядывай, советую. Ну, гости посидят, посидят, да и поедут. (*Хочет идти.*) Постой! Вот было забыл. У меня дома еще документ, это дело особь статья; я его с теми и не мешаю. Уж я его хоть бросить, так в ту ж пору; да дай, думаю, посоветуюсь, что с ним делать, все-таки жалко.

Маргаритов. В чем же дело?

Дороднов. Этот самый документ достался мне по наследству от дяди, вот со всеми бумагами, которые я к тебе привез. Да какой-то он сумнительный. Ну, думаю, и так много досталось, этого и жалеть нечего, что по нем ни получи, все ладно, а то хоть и пропадай он.

Маргаритов. На кого документ-то?

Дороднов. На бабу. Тут вдова есть одна, Лебединкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритов. Да у ней есть что-нибудь?

Дороднов. Как не быть! Поразмотала, а все-таки заплатить в силах.

Маргаритов. Так давай, получим.

Дороднов. Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритов. Чем?

Дороднов. Документ выдан за поручительством мужа, ей-то не больно верили, а поручительство-то фальшивое. Муж-то в параличе был, безо всякого движения, как она документ-то выдала.

Маргаритов. Так и пугнуть.

Дороднов. Оно и следует; только обстоятельному купцу связываться с бабой, я так понимаю, мораль. Я тебе передам, ты, как хочешь, от своего имени, а мне чтоб не путаться.

Маргаритов. Ну, так ты считай, что эти деньги у тебя в кармане.

Дороднов. Получи хоть половину!

Маргаритов. Все получу.

Дороднов. Не пожалеешь, стало быть?

Маргаритов. Что плутов жалеть!

Дороднов. Бабенка-то оборотиста, не оплела бы тебя на старости лет; заговорит – растаешь.

Маргаритов. Ну, вот еще! Толкуй тут! Вот тебе рука моя, что через два дня все деньги у тебя.

Дороднов. Значит, эту статью из головы вон. Завтра я тебе документ отдам. Ну, да ведь всего не переговоришь, что-нибудь к завтраму оставим; а теперь, по моему, коли не пить, так самое время спать. Прощай!

Маргаритов. Посветите там кто-нибудь! *(Уходит с купцом в переднюю.)*

Из передней возвращаются Маргаритов, Шаблова и Дормедонт. Людмила выходит из своей комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маргаритов, Шаблова, Людмила и Дормедонт.

Шаблова. Ужинать не прикажете ли?

Маргаритов. Ужинайте, коли хотите, я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго просижу, ты спи, меня не дожидайся. *(Ходит по комнате.)*

Людмила. Я сама хочу нынче посидеть подольше, поработать. *(Шабловой.)* Вы сейчас будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова. Да надо бы подождать.

Людмила. Ну, так я с вами посижу.

Дормедонт. Нет ли уж дельца и мне, Герасим Порфирьич, за компанию?

Маргаритов. Погоди, будет и тебе дело. Людмила, у меня дела, опять дела.